

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

* 7 ИЮЛ 1987

г. Москва

БАЛЕТ И GLASNOST

ЭХО неразорвавшейся армейской гранаты с часовым механизмом, подложенной в мусорную урну близ парадного входа в Линкольн-центр за несколько часов до премьеры Большого театра, продолжает звучать на страницах нью-йоркских газет и в телепередачах.

Репортеры и комментаторы, избегая каких-либо оценок, бесстрастно протоколируют, как полиция четыре с лишним часа управлялась с гранатой. Но вопросы при этом задают исключительно тем, кто и устроил весь этот антисоветский шабаш, а значит, мог бы знать что-нибудь о бомбе. И польщенное вниманием прессы сионистское отребье отвечает: «Мы аплодируем угрозе, вызванной этой бомбой. Она разбудит американцев, пришедших на русский балет, ибо все эти зрители просоветские и антисемиты». Слова принадлежит одному из приближенных Меира Кахана и напечатаны в газете «Нью-Йорк пост». Да, чтобы заподозрить все четыре с лишним тысячи американцев, пришедших посмотреть Большой балет, в просоветизме — надо обладать поистине черной фантазией и злобой.

Так что, выходит, граната метила прежде всего в самих американцев, проявивших понятный интерес к премьере в Линкольн-центр. Теперь полиция и служба безопасности обследуют каждого зрителя, проверяют содержимое сумок и карманов. Попискивают перед входом в Метрополитен-Опера электронные детекторы. Зрители с готовностью предоставляют себя в распоряжение стражей порядка, а я смотрю и думаю, испытывают ли они стыд за то, что оказались в таком положении?

Я уже писал о реакции публики на премьеру. Теперь состоялось еще три представления балета «Золотой век». И каждый раз в финале спектаклей повторялось то, о чем «Нью-Йорк таймс» написала так: «Зрители просто ревели от восторга». А «Нью-Йорк дейли ньюс» решила соединить политику с искусством: «Советы в настоящее время предлагают миру glasnost, и можно

назвать постановку Григоровичем «Золотого века» балетом гласности, а его подзаголовком может стать «Нет ничего невозможного».

Вот что, к примеру, пишет Клайв Барнс в «Нью-Йорк пост», сравнивая Большой театр с праздничной ракетой, влетающей в Метрополитен-Опера: «Чем больше меняется Большой, тем больше он остается прежним. Его танец протяженнее, чем жизнь, а его красноречивая героиня и глубокий драматизм, по существу, остались неизменными со времени первого визита труппы в 1959 году. И все же есть одно отличие. Впервые Большой не показывает нам легенд, сказок, трагического Шекспира или кровавых событий древнего Рима. Он проник в XX век».

Исключительных оценок удостоены и исполнители главных партий. Газета «Ю-Эс-Эй тудей» пишет о «чистоте линий и бриллиантовом великолепии прима-балерины Натальи Бессмертновой».

«Нью-Йорк таймс» отмечает, что она сейчас «абсолютная прима-балерина, способная делать свой танец легчайшим, как падающий лист, и нежным, как детская слеза. Она танцует самую красоту».

Впервые в США выступает Ирек Мухамедов, имеющий здесь громовой успех. «Он может делать 21 невозможную вещь в воздухе», — пишет все тот же К. Барнс.

Нет ни одной рецензии, где бы не отмечалась исключительность декораций и костюмов художника Симона Вирсаладзе. Выдающимся мастером мирового балета называют Юрия Григоровича. Словом, гастроль в Америке, несмотря ни на что, началась с триумфа.

Да, советский балет, воспевающий ценности нашего образа жизни, открыто показывает Америке в «Золотом веке», какими мы были, какими стали.

Гласность и балет? Пусть будет так!

Александр АВДЕЕНКО.

(Спец. корр.

«Советской культуры»):

НЬЮ-ЙОРК.